

---

---

А. А. ОГАНОВ

## КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

*В статье рассматривается судьба национальных культур в контексте нарастающих глобализационных и информационно-коммуникативных процессов. Основной вопрос, поставленный в ней: грозит ли мировая глобализация разнообразию и самобытности национальных культур? Автор подвергает сомнению категоричность расхожих суждений о неизбежности нивелирования культурного своеобразия. Глобализация имеет своим следствием равно процессы унификации и диверсификации культур.*

**Ключевые слова:** глобализация, информационно-коммуникативные процессы, культура, цивилизация, национальная самобытность, взаимодействие культур, культурная идентичность, унификация, интеграция, универсализация, нивелирование.

Цивилизация начала третьего тысячелетия ознаменована вхождением в новый исторический этап развития. Все более нарастает доминанта информационно-технологических и глобализационных процессов. Сегодня в нашей философской и культурологической литературе, пожалуй, нет темы более расхожей, чем тема глобализации. И нет другой соответствующей ей широкой проблематики, которая так сближала бы и разводила самые различные точки зрения. Делаются разноречивые прогнозы относительно ближайших и отдаленных перспектив общественного жизнеустройства.

В данном случае целесообразно определить в соотношении понятий «информатизация» и «глобализация». Существует мнение, что глобализация породила, предопределила процесс информатизации общества, обусловила его скачкообразное развитие. Вопрос по крайней мере спорный. Думается, что информатизация, будучи прежде всего феноменом технологичным, является непосредственно результатом научно-технических достижений. Поступательное развитие именно в этой области привело к современным информа-

ционными технологиям, ставшим инструментом и катализатором глобализационных процессов. Глобализация была бы невозможна без информатизации. Вместе с тем глобализационные процессы существенным образом интенсифицировали информационный взрыв.

Теперь становятся возможными более конкретная постановка и обсуждение вопроса о влиянии глобализирующегося мира на культуру, и в первую очередь – на культуру национальную.

Дело в том, что понятие глобализации, включающее в себя в качестве стержневой основы информатизацию, является чрезвычайно емким, интегративным. Степень характеристик, структурных элементов глобализационного процесса достаточно велика. Их воздействие на различные системные образования социума далеко не однородно. Совершенно очевидно влияние глобализации во всей совокупной целостности ее особенностей на экономическую, политическую, научно-техническую, образовательную сферы. Наблюдаемые в них кардинальные перемены больше позитивного свойства, чем негативного. И этот позитивный эффект будет возрастать по мере вхождения в мировой глобализационный процесс все большего числа стран, национальных образований. Сегодня, как известно, слаборазвитые в глобализационном отношении страны находятся в неблагоприятном для этого положении, со временем так или иначе преодолимом. Объективная историческая закономерность исключает иной вектор развития мирового социального пространства.

Ожидаемая картина трансформации культуры представляется существенно отличной. Прямое, непосредственное влияние на культуру оказывает не глобализация вообще, а собственно информатизационные технологии, повсеместная компьютеризация, Интернет, растущая коммуникативная сеть. Не случайно говорят о приходе новой информационной культуры, имея в виду достигнутый уровень принятия, обработки, хранения и выдачи информации. Содержание этого понятия значительно шире. Технологическая оснащенность культуры способствует увеличению темпов и векторов распространения ее ценностей на все мировое пространство. Складываются благоприятные условия для диалога и взаимообогащения национальных культур. Возрастает доступность общечело-

веческих ценностей – нравственных, эстетических, религиозных, их востребованность в качестве критерия жизнестойкости традиционных культур.

Интенсификация глобализационных, информационно-технологических процессов у многих вызывает озабоченность грядущей судьбой национальных культур и, как следствие, оскудением духовной жизни общества. Тревогу порождают вероятность вытеснения этнонационального фактора в культуре внеациональными, опасения унификации ее ценностей, ведущих к стиранию различий между традиционными национальными культурами. Этим обеспокоены и в высокоразвитых цивилизованных странах, и там, где по уровню социально-экономического развития пребывают в прошлых эпохах. С особой остротой обсуждается вопрос возможного угасания самобытных национальных культур, их вытеснения более «сильными» культурами, чья экспансия, по мнению большого числа культурологов, становится неизбежной. На этом фоне, действительно, малоутешительны упования на общечеловеческие ценности и сомнительны возможности возвышения личностного начала в человеке, его самоидентификации, свободного индивидуального выбора.

Однако не преувеличиваем ли мы все эти угрозы, поспешно экстраполируя трудности и немалые издержки начального этапа глобализации на весьма отдаленное будущее? Важно не принять следствие за причину: коренятся ли упомянутые негативы в природе глобализации или они ее побочный эффект? История человечества знает множество кардинальных общественных перемен, крутых социальных виражей, и ни один из них не был совершенно безболезненным. Поэтому сегодня неуместны как чрезмерный пафос и эйфория по поводу грядущих перемен, так и крайности противоположного толка.

Современная цивилизация все больше акцентирует ценности материальные, прагматические, утилитарные, конформистские, поощряет общедоступное, количественное, изменчивое, динамически развивающееся. Кстати, заметим, что от этих даров человечество не отказывалось ни в какие исторические времена. Прежде они были доступны узкому кругу избранных, нынче этот круг значительно расширился, подтверждая неизменность человеческой природы в отношении к комфорту и материальному благополучию. Общест-

во потребления стало возможным благодаря социально-экономическому и техническому прогрессу, а не по причине пробудившегося в человеке потребительского инстинкта.

В массовом сознании россиян прагматический интерес кажется предосудительным. Между тем не замечено, чтобы аристократы духа, став материально состоятельными, обеднили бы свою духовную жизнь – скорее наоборот. Те же, кто «из грязи в князи», если и обходятся без духовно возвышающих обретений, то и не теряют того, чего у них нет. Впрочем, вероятность, пусть и малая, их культурного облагораживания вовсе не исключена. Словом, цивилизационный прогресс с его соблазнами и искушениями весьма избирателен по отношению к человеку. В сущности, глобализация, являя собой современный исторический этап цивилизационного прогресса, находится в аналогичной позиции по отношению к человеку и культуре.

Глобализация отвечает интересам цивилизационного развития. Осуществляемые интеграция и унификация направлены на финансово-экономическую, политическую, научно-техническую, отчасти образовательную сферы и не распространяются безальтернативно и с неизбежностью на национальные культуры. Далеко не очевидно и всеобщее нивелирующее воздействие глобализационных процессов на этническую мозаику культуры.

Отношение современной цивилизации к нравственному, эстетическому, религиозному, собственно, ко всей гуманитарной компоненте общественного бытия относительно нейтрально. Она не благоприятствует и не угнетает культуру. У нее нет идеологического замысла совершить культурную экспансию, «смикшировать» своеобразие и многоцветье национальных культур. Выражаясь вульгарно, она на этом не заработает, не приумножит свой капитал. Культурное однообразие с прагматической точки зрения не отвечает ее интересам. Цивилизация не может отменить культуру, она ею облагораживается, мимикрирует под нее, надевает ее маски, эстетизирует себя и всевозможные инвестиции в свои прагматические цели. Без культуры цивилизация была бы слишком непрезентабельна.

Это иллюзия, что цивилизация вытесняет культуру. Ее «вина» лишь в том, что резко возросшие темпы ее развития стали превос-

ходить темпы развития культуры. Впервые на протяжении человеческой истории столь явно нарушилось относительное равновесие между тем, что является культурой и цивилизацией. Произошло это в кратчайший для истории отрезок времени. Современные научно-технические, экономические, общественно-политические циклы развития не совпали и в принципе не могли совпасть с циклами, периодами развития культуры. Последние должны быть достаточно длительными, чтобы нечто прошло стадию превращения в ценность национальной культуры, укрепилось в этом качестве, обрело свойство позитивной консервативности.

В этих условиях крайне усложнились возможности адаптации культуры к скоротечной социодинамике. Культура, ее «программное обеспечение» не поспевает в своем развитии за техникой, за «железом» цивилизации (С. П. Капица). Искать выход в оперативной модернизации огромного многообразия самобытных национальных культур, обновлении их ценностной ориентации, проектировании новых парадигм – значит подвергнуть их опасности искусственной мутации.

В силу этого правомернее говорить не столько о кризисе культуры, сколько о кризисе ее взаимоотношений с цивилизацией. Драматизм сложившейся ситуации обусловлен главным образом беспрецедентной в истории кратковременностью периода наступающих перемен, скачкообразным сжатием социального времени, что внесло некоторый хаос в привычную нам шкалу ценностей. Возник он, скорее всего, не по причине ощутимых потерь привычных нам культурных ценностей, а вследствие ускоренности этих потерь. Поучительно обращение к масштабным историческим дистанциям: много ли в национальной культуре современного Египта или Греции сохранилось от культуры их этнических предков со времен Древнего Востока и античности? Стоит «опрокинуть» современность на отдаленную историческую перспективу, и тогда во многом снимается острота опасений по поводу негативных последствий всеобщей глобализации для национальных культур. Снимаются и подозрения в том, что цивилизация теснит культуру.

Формирование единого информационного пространства по-разному скажется на судьбе самобытных, национальных культур и на слаборазвитых, непастионарных культурных образованиях.

Первые, если они не замкнуты в себе, открыты миру, имеют весьма благоприятную перспективу развития. Такие культуры отличаются укоренившейся системой ценностей, мощной иммунной устойчивостью. Их вхождение в информационно-коммуникативную сеть расширяет возможности контакта, диалога с другими культурами. В результате избирательного обмена ценностями, их ассимиляции самобытные культуры обогащаются, усиливается потенциал их дальнейшего развития. Несмотря на беспрецедентный цивилизационный скачок, они обладают высокой степенью адаптации к новому, сохраняют способность поступательного эволюционного роста. Благодаря своим глубоким историческим корням на внешнее негативное воздействие они отвечают активным противодействием.

Трудно прогнозировать, предсказывать судьбу культур слабо развитых, незрелых, мозаично-лоскутных, зачастую не обретших полноценный национальный статус. Им много сложнее противостоять потоку сильного воздействия чужеродных культур. У них не сформировано, не развито свойство избирательности; тонкий культурный слой не способен переработать, трансформировать воздействие неоднородных культур или отторгнуть агрессивную информацию. Поэтому не исключена перспектива их исчезновения или поглощения другими культурами. По приблизительным подсчетам этнографов, задолго до глобализации канули в Лету сотни тысяч племен, народностей, языков, диалектов. Трудно представить число исчезнувших традиций, обрядов, ритуалов. Происходит своего рода естественный отбор. На «семи ветрах» глобализации национальные культуры проходят испытание на жизнестойкость. Испытание это суровое, время на него отпущено по историческим меркам короткое.

Такая же картина наблюдается в жизни традиций внутри национальных культур, информационное взаимодействие которых подвергает проверке потенциал преемственного развития этих традиций. В традиционных обществах сохранилось немало традиций, обрядов, суеверий, дошедших до нас со времен язычества. Они естественно и органично веками воспроизводились, влияли на нравственное поведение людей, задавали систему неизменных ценностей. Следование национальным и религиозным традициям было основой групповой и индивидуальной самоидентификации. Сове-

менный человек пребывает в совершенно иной социальной среде. Подгоняемый техническими новациями, быстрой сменой условий бытия, рациональный и прагматичный, он не приемлет, а то и не замечает многих традиций, объективно исчерпавших себя в новое время.

Изначально традиции возникали как ценности с прагматически значимой функцией. Они определяли и регламентировали образ жизни людей, каждодневно им сопутствовали. Со временем практическая потребность в них убывала, замещалась знаково-символическим отношением, духовным. В современном обществе преимущественно в этом качестве сохранились многие национальные традиции, значение которых нельзя недооценивать, но не следует и преувеличивать. Их семантика может устаревать или не считываться, когда резко рвется связь времен. Новые формы жизни обновляют и продуцируют традиции. Процесс этот органичен и имманентно детерминирован. В культуре невозможны как искусственная реанимация отжившего, так и проектирование нового.

Показательно, что во времена кризисных перепадов и укрепления национальных, политических суверенитетов людей поглощает идея возрождения традиций, приобщения к ним. Оживает широкий спектр обрядов – от дурманящих своей магией (гаданье, колдовство и т. п.) до религиозно-возвышенных (крещение, венчание, отпевание, массовое участие в религиозных праздниках, паломничество по святым местам...). Зачастую в них много мистики, театрализации, псевдозначащей символики. В этом контексте примечательна дискуссия вокруг вопроса о введении в программу школьного обучения предмета по истории религиозных культур.

Даже при самых благородных намерениях традиции возродить невозможно, если они исторически отжили себя. Это достаточно замкнутое в себе историко-культурное образование, которое в зависимости от временных перемен может либо отторгнуться культурой, либо, трансформируясь, продолжать жить в новой культурной среде. Часто всуе говорится о преемственности традиций без должного осознания особой роли естественной динамики в природе этого процесса.

Все очевиднее положительные результаты усиливающегося взаимовлияния культур. В России привились некоторые западные традиции. Отчасти это день Святого Валентина, католическое Рож-

дество, Хэллоуин. В культуру США вошли традиции русских театральных школ (К. Станиславский, М. Чехов). Известные западные кутюрье используют мотивы национальных русских костюмов. В Китае укореняется традиция фестивалей и конкурсов русской и советской песни.

Компьютеризированная цивилизация все настойчивее вводит нас в виртуальный мир безграничного коммуникативного пространства. Первоначально технологичное, оно обретает свойства культурного пространства. Общение в нем формирует новые традиции, трансформирует уже известные: вековой брачный обряд обрел форму виртуальной свадьбы, давняя традиция ведения дневников продолжилась в интернет-блогах.

Происходящая в культуре кардинальная переоценка приоритетов резко снижает значимость многих привычных традиций и ценностных представлений, часто вызывая тем самым чувство духовного дискомфорта, ожидание угроз возможностям идентификации в рамках национальных культур. Это ощущение усугубляется нарастанием вненациональных элементов в культуре, ее частичной космополитизацией. Однако было бы упрощением связывать такую тенденцию с идеологией ущемления национальных культур и, как следствие, ограничения оснований культурной идентификации. Ее полнота не обусловлена только этнонациональными факторами. Чем ниже ступень цивилизационного развития общества, тем более оно ограничено только ими. В современном развитом обществе определяющая роль этнической составляющей значительно менее выражена. Такова нарастающая тенденция, повторимся, при всех своих издержках и переклестах исторически неизбежная.

Наднациональные культурные формообразования не только не предвещают кризиса идентификации, а напротив, расширяют возможности ее реализации. Приоритетным основанием культурного самоопределения человека является его образ жизни, обусловленный социальной и природно-географической средой обитания, профессиональными, религиозными, нравственно-эстетическими ориентациями и предпочтениями. В условиях информационного общества образ жизни людей наполняется новым содержанием, становится все более разнообразным, ширится поле приложения их интересов, а с этим и возможности выбора способов и форм само-



реализации. Прежние основания этнокультурной идентификации вовсе не отменяются и не сменяются. Они прирастают новыми, часто еще не устоявшимися, не погрузившимися в структуру бессознательного. Формы культурной идентификации могут быть неизменными только в обществе, законсервировавшемся в своем развитии.

Национальные культуры развиваются в ритме процессов их интеграции и дифференциации. То и другое возможно при условии взаимовлияния культур, резко активизирующегося благодаря информационно-коммуникативным технологиям. Интеграция культур не означает их слияния или растворения одной в другой. В этом процессе они прирастают ценностями как близких, так и неоднородных культур, не теряя при этом своих этнических различий.

Наиболее выраженной формой интеграции культур является их тесное взаимодействие и взаимопроникновение. Но даже в этом случае они не теряют неповторимого своеобразия. Множество национальных республик, этнических групп, расположенных на территории России, образуют единую и целостную культуру. Российская культура представляет собой типичное интегративное образование, в котором национальные культуры, взаимообогащаясь, зачастую сохраняют свою самобытность, уникальность. Предельно малые этнические образования, какими, в частности, являются диаспоры, населяющие США, и те не растворяются в единой американской культуре, будучи интегрированы в нее. Они сохраняют свой язык, обычаи, религию, семейные традиции, несмотря на полный разрыв с исторической родиной.

Самосохранение и постоянное самопорождение национальных культур осуществимо только при условии одновременного протекания в них процессов интеграции и дифференциации. Необходимость дифференциации обусловлена прежде всего самобытной проявленностью, уникальностью национальной культуры. Отсюда ее избирательная активность по отношению к внешним воздействиям, отторжение всего чужеродного. Дифференциация, как и интеграция, – естественный процесс, не имеющий ничего общего с самоизоляцией культуры, обрекающей себя на постепенное угасание. Оба процесса тем интенсивнее проявляются в культуре, чем более она развита и открыта миру.

Будет упрощенным понимать дифференциацию и как исключительно процесс отпочковывания и взаимного отторжения национальных культур. Такое явление хотя и распространено в современном мире, имманентно не присуще культурам и, как правило, происходит вследствие прямого или косвенного вмешательства в культурный процесс политических, военных факторов, религиозных конфликтов. Так, в результате распада СССР отторглись и размежевались национальные культуры республик, ставших суверенными. Также относительно мирно разошлись национальные культуры Чехии и Словакии, чего нельзя сказать о Югославии, где решающую роль в этом процессе сыграл насильственно-силовой, военный фактор.

Глобализация с ее информативным потенциалом кардинальным образом расширяет поле и ускоряет динамику взаимодействия национальных культур, но она не детерминирует сколько-нибудь существенно их содержательно; в нее не заложена программа ущемления их самобытности, унификации. В результате интенсивных взаимодействий растет разнообразие внутри культур.

«Культура есть борьба с мировым уравниванием – смертью», – писал П. Флоренский.

Подлинно самобытная культура не однородна, она имеет сложную структуру, различные элементы которой стянуты ее ядром. Чем разнообразнее национальная культура, тем шире ее контакты с другими культурами, тем востребованнее она мировым сообществом. Будучи замкнутой в себе, огражденной от мира, она становится все более одноликой, одномерной. В остановившемся для нее времени она медленно деградирует. Как и всякая изолированная система, культура подвержена возрастающей энтропии. Согласно изложенной У. Эшби теории информации («Введение в кибернетику») динамическая устойчивость любой системы пропорциональна ее внутреннему разнообразию.

Конечно, и прежде мир был расцвечен многообразием культур. Но лишь в наше время эта мозаика из отдельных культур стала складываться в один большой ковер. Происходит это по причине возрастающей их коммуникативности и информационной доступности. Мировая культура становится ансамблевой. Это подобно оркестру, хору, где каждая национальная культура ведет свою пар-

тию. В их едином звучании творится масштабная картина общечеловеческих культурных ценностей.

Наивно было бы полагать, что глобализация – процесс беспроblemный и безболезненный. Немалые его издержки обусловлены неравномерным экономическим и политическим положением государств, их информативным ресурсом, ментальностью людей. Перед человечеством неизбежно встает целый ряд проблем гуманитарного характера.

В связи с этим особая роль отводится культурной политике государств, институтам управления культурой. Основным мотивом их целенаправленной деятельности является поддержка (просветительство, материальное обеспечение) позитивного и нейтрализация негативного. Сложнее всего обстоит дело с критериями того и другого. У культуры свой иммунитет, своя интуиция, их нельзя недооценивать, они многое могут подсказать. Действенность и результативность управляющей системы достижимы при условии полного исключения каких-либо элементов насильственных мер; они деструктивны для культуры, она будет их отторгать и деформироваться.

В культурной политике важно учитывать комплекс факторов: социально-психологических, экономических, мировоззренческих, политических, техногенных. Глобальные перемены в культуре протекают одновременно с соответствующими переменами во всех сферах общественной жизни. Их переустройство невозможно без решения актуализировавшихся мировоззренческих проблем. Они неотъемлемы от признания общей системы ценностей, новых этических норм, формирующих толерантное отношение к другим национальным культурам. Чрезвычайно опасны любые формы политизации национальной идеи, религии, клерикализации общества. Эффективное использование информационного ресурса позволит обеспечить повсеместную циркуляцию духовных ценностей, их трансляцию на отдаленные от культурных центров регионы. Часто испытываемый ими информационный голод является причиной их маргинальной участи.

На вызовы глобализации уже сегодня острее всего реагирует национальный менталитет. Между тем, как убедительно замечает в своей книге «Бегство от свободы» Э. Фромм, изменения в обще-

стве определяются не столько экономическими и политическими факторами, сколько ментальностью народа. Константы этой наиболее устойчивой этнонациональной характеристики часто весьма консервативны и труднопреодолимы. А ведь стереотипы сознания, поведения, ценностных установок являются серьезным препятствием на пути общественных преобразований. Ожидать скорых и значительных перемен в этой сфере не приходится. Крайне важно осознание, что превращения менталитета имеют длительные временные периоды, протекают постепенно и не всегда безболезненно.

Культура, будучи неравновесной, самоорганизующейся системой, при любых условиях не может исчерпать свои адаптивные ресурсы. И тем не менее ее способность к самопорождению существенным образом зависит от множества обстоятельств, лишь отчасти здесь упомянутых. Ключевая задача культурной политики – сделать эти обстоятельства максимально благоприятными. Без соответствующего управленческого инструментария, современных и разнообразных методов успешная реализация этой задачи невозможна. Разработанный У. Эшби принцип необходимого многообразия состоит в том, что для эффективного управления многообразием управляющей системы не должно быть меньше многообразия управляемого объекта. В противном случае единственным определяющим фактором управления культурой и всем обществом станет информационно-коммуникативный комплекс.

Понятно, что глобализация чревата непредсказуемыми последствиями. О негативных ее сторонах сказано более чем достаточно. Угрозы и тревоги далеко не всегда беспочвенны, хотя нередко и преувеличены – порой чуть ли не до уподобления молоху, жаждущему жертвоприношений культуры. Поэтому целесообразно показать возможность оптимистической гипотезы грядущей судьбы национальных культур.

Мы стоим перед лицом объективного исторического процесса. И думается, что нахождение в поиске позитивного предпочтительнее, конструктивнее позиции критического нигилизма.